

- [Стивен Кинг](#)

-

Стивен Кинг

Бабуля

Мама Джорджа пошла к двери, но остановилась у порога и, поколебавшись, вернулась. Она взъерошила волосы сыну:

— Я не хотела бы, чтоб ты волновался. Все будет в порядке. И Бабуля тоже.

— Конечно, все будет о'кей. Передай Бадди, чтобы держал хвост пистолетом.

— Что-что, извиняюсь?

Джордж улыбнулся:

— Пусть будет паинькой.

— А, забавно. — Она улыбнулась рассеянно: — Джордж, ты уверен...

— Все будет ОТЛИЧНО. «Уверен — в чем? Что не боишься остаться один с Бабулей?»

Она это хотела спросить?»

Если это, ответ будет, конечно, отрицательным. В любом случае, сейчас ему уже не 6 лет, как тоща, когда они только переехали в Мэн, чтобы ухаживать за Бабулей. Он заплакал, когда Бабуля отозвала свои тяжелые полные руки от белого кресла, пропахшего яйцами-пашот и сладкой пудрой, которую мама втирала в морщинистую кожу старухи. Бабуля подняла руки, ожидая, что он подойдет к ней, чтобы заключить его в объятия, прижать к своему огромному тяжелому телу — а он разревелся. Бадди подошел — и ничего, остался жив... но Бадди на 2 года старше. А теперь он сломал ногу и лежит в госпитале в Левинстоне.

— У тебя есть номер телефона доктора, если ВДРУГ что-то произойдет. Но он надеюсь, не понадобится, так?

— Разумеется, — ответил Джордж и почувствовал сухой комок в горле. Он улыбнулся. Выглядит ли эта улыбка естественной? Да, конечно. Разумеется. Он ведь вовсе не боится Бабули. И ему уже далеко не 6 лет. Маме нужно пойти в больницу навестить Бадди. А он должен остаться здесь и быть умницей. Остаться с Бабулей — пожалуйста, без проблем.

Мама опять направилась к двери и, поколебавшись, снова вернулась, улыбаясь своей рассеянной, никому особо не адресованной улыбкой: — Если она проснется и попросит чаю...

— Я в курсе, — ответил Джордж.

Он видел, какое волнение и даже испуг пытается скрыть мать за этой улыбкой. Она очень беспокоилась о Бадди и его дурацкой Лиге, тренер которой позвонил и сказал, что Бадди сломал ногу во время игры. Джордж только пришел из школы и ел на кухне пирожные с колдой, когда мама, задохнувшись от волнения, воскликнула: «Что? Бадди?!.. И насколько серьезно?». Потом осторожно положила трубку на рычаг...

— Я все это знаю, мамочка. Я в курсе. Иди спокойно. — Ты молодец, Джордж. Не бойся. Ты ведь не боишься Бабулю?

— Ха! — победно ухмыльнулся мальчик. Великолепная улыбка человека, которому уже далеко не 6 лет, который в курсе дела и держит хвост пистолетом. Замечательная голливудская улыбка, скрывающая са собой пересохшее горло, словно забитое шерстяными комками.

— Передай Бадди, мне очень жаль, что с ним такое случилось.

— Хорошо, — ответила мать и в который раз направилась к выходу. В окно светило

солнце, и в лучах плясали пылинки.

— Слава Богу, мы взяли спортивную страховку, правда, Джордж? Я не знаю, что мы теперь делали бы без нее. — Передай Бадди, я желаю ему скорого выздоровления. Мама опять улыбнулась. Обаятельная пятидесятилетняя женщина с поздними сыновьями: старшему 13, младшему 11 лет. Дверь приоткрылась, и холодный октябрьский ветер ворвался в комнату. — И помни, доктор Арлиндер...

— Да, конечно. Теперь иди, а то Бадди наложат гипс до твоего прихода.

— Она будет спать все время, я надеюсь... Держись, сынок. Я очень люблю тебя. Ты у меня молодец! — На этом мама закрыла дверь.

Джордж подошел к окну и увидел, как она спешит к машине (старый Додж-69, потребляющий слишком много топлива) по дороге роясь в сумочке в поиске ключей. Теперь, когда она вышла из дома и не знала, что сын смотрит в окошко, улыбка исчезла. Мать выглядела усталой и потерянной, она боялась за Бадди. А Джордж волновался за нее. К брату он не испытывал особо светлых чувств. Бадди никогда не был слишком любезен и заботлив. Любимым его развлечением было повалить Джорджа на пол, усесться сверху и колотить его по лбу ложкой — Бадди называл это Пыткой Краснокожих и смеялся, как дебил. Иной раз он продолжал эту процедуру до тех пор, пока Джордж не начинал плакать... Или тот незабываемый случай, когда ночью в спальне Бадди слушал так внимательно горячий шепот брата о его симпатиях к Гови Макардл, а на следующее утро бегал по школьному двору и орал во всю глотку «ТИЛИ-ТИ-ЛИ-ТЕСТО, ЖЕНИХ И НЕВЕСТА!» Конечно, сломанная нога не изменит манер такому братцу, но Джордж предвкушал хотя бы временное спокойствие. «Ну-ну, посмотрим, как ты будешь устраивать Пытку Краснокожих с загипсованной ногой. И каждый день, детка!» Додж остановился. Мама посмотрела налево и направо, хотя никакого транспорта на пыльной дороге не предвиделось. Ей предстояло проехать 2 мили до асфальтовой дороги, и потом еще до Левинстона 19 минут. Машина, поурчав, скрылась из виду. Чистый прохладный октябрьский воздух замутился поднятой пылью, затем она стала медленно оседать. Он остался один.

С Бабулей.

Джордж сглотнул слюну: «Эй, спокойно! Без истерик! Все будет в норме, так?»

— Так! — сказал вслух Джордж и прошелся взад-вперед по маленькой залитой солнцем кухне. Он посмотрел в стоящее на холодильнике зеркальце: симпатичный паренек с веснушками на носу и щеках и живым веселым блеском темно-серых глаз.

С Бадди случилась эта неприятность, когда он играл со своей Лигой в чемпионате 5 Октября. Команда Джорджа — Тигры — пролетела в первый же день... «Бедные деточки! Бедные ЩЕНКИ!», — восклицал Бадди, когда Джордж, весь в слезах, покидал поле. А теперь он сломал ногу. Если бы мама не переживала так из-за этого, Джордж был бы абсолютно счастлив.

На стене висел телефон, рядом с ним табличка для записей с закрепленным карандашом. В верхнем углу таблички добрая деревенская бабушка с розовыми щеками и смешной парик, и она говорит: «Не забудь, сынок!». На табличке маминым почерком написан телефон доктора Арлиндера: 681—4330. Мама написала его не сегодня. Номер появился здесь еще 3 недели назад, когда у Бабули опять были «заскоки». Джордж поднял трубку и прислушался:

— Так и сказала ей: «Мейбл, — говорю, — если ты будешь продолжать с ним...»

Джордж положил трубку. Генриетта Додд. Генриетта всегда была на проводе, и в любое

время можно было услышать душещипательные истории и уйму сплетен. Однажды мама выпила вина с Бабулей после того, как у Бабули начались ее «заскоки», доктор Арлиндер запретил алкоголь; перестала пить и мама — а жаль: она становилась очень веселой и рассказывала забавные истории из своего детства, и мама сказала тогда: «Стоит Генриетте открыть рот, как все ее внутренности лезут наружу». Бадди и Джордж расхохотались, а мама поднесла палец к губам и шепнула: «Не говорите никому, что это мои слова!», и тоже засмеялась. И они втроем сидели за столом на кухне и смеялись, пока не разбудили Бабулю, и она начала кричать высоким пронзительным голосом: «Руфь! РУ-У-УФЬ!». Мама помрачнела, вышла из-за стола и подошла к Бабуле.

Сегодня Генриетта Тодд могла говорить все, что ей угодно. Джордж просто хотел проверить, работает ли телефон. Две недели назад был сильный ветер, и с тех пор линия плохо срабатывала.

Джордж опять взглянул на добрую деревенскую бабушку из картона. Он хотел бы, чтоб и у него была такая. Но Бабуля была огромная, жирная, слепая. И эти ее «заскоки»... Когда они наступали, бабуля могла вести долгие разговоры одна в пустой комнате, звать каких-то людей, которых здесь нет и выкрикивать непонятные, лишённые смысла слова. Во время последнего из «заскоков», не так давно, мама вдруг побледнела как мел и ворвалась к Бабуле в комнату, крича, что та должна немедленно заткнуться, заткнуться, ЗАТКНУТЬСЯ!!! Джордж очень хорошо помнил этот эпизод, и не только потому, что он впервые видел маму так кричащей. На следующий день было странное происшествие: кто-то обнаружил, что было разрушено Бирчское кладбище, что на дороге в Майн. Перевернуты могильные камни, памятники, сорваны старинные XIX века ворота, а некоторые могилы будто даже вскопаны. «Осквернение». Так назвал это мистер Бурдон, директор школы, собравший учеников на лекцию о Злостном Хулиганстве и что Это Вовсе Не Смешно. Придя домой вечером, Джордж спросил Бадди, что такое ОСКВЕРНЕНИЕ, и получил ответ, что это значи раскапывать могилы и писать на гробы. Джордж не очень поверил в такое объяснение... но случай запомнился...

Когда у Бабули бывали «заскоки», она становилась шумной, но обычно она редко вылезала из своей кровати — огромная, неповоротливая, в резиновом поясе и подгузниках под своей вечной ночной рубашкой. Лицо изрыто морщинами, блеклые голубые глаза пусты и неподвижны. Сперва Бабуля не была совсем слепой, но со временем она ослепла, и первое время у ее белого кресла стояли двое помощников, чтобы помочь ей добраться до ванной или постели. Весила она в то время, пять лет назад, добрые сотни фунтов... Она поднесла руки, и Бадди, тогда восьмилетний, спокойно подошел. Джордж отпрянул и разревелся... «Но теперь-то я ничего не боюсь, — думал он, шлепая кедами по кухонному полу. — Ни капельки. Она просто старая женщина со своими странностями».

Он налил воды в чайник и поставил его на медленный огонь. Взял чашку и бросил в нее специальный пакетик чая из трав, который пила Бабуля. На случай, если она проснется и захочет чаю. Джордж отчаянно, до безумия надеялся, что этого не произойдет. Ведь ему придется подойти к ней, сесть рядом на больничную кровать, подавать чашку, видеть беззубый рот, прилепившийся к краю, слышать хлюпающие звуки и сопение... А иногда она сползает с кровати, и тогда нужно поднять ее; сухая кожа покрывает жирное тело, как будто поднимаешь бурдюк с водой, и слепые глаза смотрят на тебя... Джордж облизал губы и подошел к столу. Осталось еще одно пирожное, но ему не хотелось есть. Он без энтузиазма взглянул на валяющиеся тут же учебники... Нужно пойти и посмотреть, как там Бабуля.

Нужно было сделать это сейчас. Не хочется.

Джордж сплотнул слюну, пытаясь хоть как-то убрать сухость в горле, будто забитом шерстью. «Я не боюсь Бабулю. Я подойду, если она протянет руки, чтобы заключить меня в объятия. Что с того? Просто старая женщина. Она старенькая, поэтому случаются „заскоки“. Вот и все. Подойду к ней и не буду бояться. Как Бадди.

Он двинулся к дверям ее комнаты: лицо искривлено, как от горькой пилюли, губы сжаты так сильно, что даже побелели. Он заглянул осторожно в дверь и увидел Бабулю. Серые волосы разметались по подушке, как корона, беззубый рот приоткрыт, подбородок чуть шевелится — медленно, так медленно, что приходится с минуту наблюдать за ней, чтобы увидеть, что она жива. «О Боже, что если она умрет, пока мама в больнице? Не должна. Нет! А если все-таки умрет? Не будет этого, с чего ты взял?! А если... Перестань ныть, наконец!!!».

Бабуля шевельнулась во сне, и морщинистая желтоватая рука с длинными желтоватыми пальцами чуть царапнула покрывало. Джордж отпрянул за дверь, сердце его билось так, что чуть не выпрыгивало из груди. «Что случилось, идиот? Она спокойно спит. Не нервничай».

Он пошел на кухню взглянуть на часы. Если мама отсутствует часа полтора, можно уже ждать ее обратно... О, Боже! Не прошло и двадцати минут, как она вышла из дому; конечно, она еще даже не в Левинстоне, и нет никаких оснований надеяться на скорое возвращение. Никаких. Джордж стоял посреди кухни, прислушиваясь к тишине. Он слышал едва различимое гудение холодильника, шорох ветра за окнами, а где-то за закрытой дверью — легкое поскребывание длинных желтых ногтей о покрывало. Бабуля ворочалась во сне. Джордж сжался в сплошной комок нервов и испустил неслышимый вопль: «Господи Боже пусть скорее придет мамочка». Он попробовал успокоиться. Сел на стул, взялся за пирожное... Можно, конечно, включить телевизор, но звук может разбудить Бабулю, и последует назойливый громкий крик высоким голосом: Руфь! РУ-У-УФЫ Мой чай!» Джордж провел сухим языком по еще более сухим губам и приказал себе не быть таким щенком. Старая женщина 83-х лет, она не собирается ни с того ни с сего сейчас умереть и не хочет вылезти из кровати и погнаться за ним. Бред. Джордж снял телефонную трубку:

— ...и причем она ДАЖЕ знала, что он женат! Представь, Кори! Ну, я тогда и говорю...

Джордж догадался, что Генриетта говорит с Корой Симард. Темы их бесед были известны наперечет: кто-кому что сказал на вечеринке или церковной службе, кто кого пригласил на уик-энд, ЧТО ЭТО ОН(ОНА) О СЕБЕ ВООБРАЖАЕТ, и далее в этом роде. Джордж и Бадди однажды спрятались за угол ее домика — в безопасности — и стали кричать: «КОРА-ДОРА-ПОМИДОРА-СЪЕЛА-ШЛЯПКУ-МУХОМОРА!» И если бы мама в этом узнала, она бы их убила. Обоих. Но сейчас Джордж был рад, что Кора с Генриеттой на проводе. Пусть говорят хоть до позднего вечера: приятно слышать человеческий голос в этом пустом доме... а в общем-то, он никогда ничего не имел против Кору. Однажды Бадди толкнул его, и он расшиб Себе коленку. Дело было прямо перед домом Кору. Она вышла, смазала Джорджу ссадину, залепила пластырем, дала мальчикам по пирожному и болтала все время не переставая. Джордж готов был сквозь землю провалиться со стыда. Зачем он тогда дразнил ее?!

Он взял книгу для чтения, повертел ее в руках и отложил. Он прочитал ее уже давно и знал едва ли не наизусть все изложенные там истории, хотя занятия в школе всего месяц как начались. Он преуспевал в этом больше, чем Бадди, но Бадди был первым в спорте. «А теперь не будет. Некоторое время. Пока нога в гипсе. Так-то!» — подумал Джордж почти

удовлетворенно. Он взял учебник истории, раскрыл его и начал делать задание — но ничего не лезло в голову. Он встал и пошел посмотреть на Бабулю. Желтая рука спокойно лежала на покрывале. Рот приоткрыт. На белоснежной наволочке желтовато-серое лицо в короне седых волос казалось бледным умирающим солнцем. Но не так, совсем не так должны выглядеть старенькие бабушки — ни тени умиротворенной мудрости, спокойствия. Она выглядела зловещей и.... .. и опасной?

Да, пожалуй. Как притаившийся краб, который готов в любой момент к атаке -и уж из его-то клешней добыча не ускользнет... Джордж хорошо помнил, как они приехали в Кастл-Рок заботиться о Бабуле, когда Дедуля умер. До этого мама работала в прачечной в Стратфорде. Дедуля был моложе Бабули на три или четыре года. Он был плотником и работал до самой смерти. С ним случился сердечный приступ.

А Бабуля всегда была энергичной, просто вулканической женщиной. Лет пятнадцать она преподавала в школе, успевая рожать детей и сражаться с Церковным Собранием, которое посещала их семья — Бабуля, Дедуля и все 9 детей. Мама говорила, что Бабуля перестала посещать церкви и решила прекратить работать, но однажды Джордж услышал совсем иную историю. Около года назад приезжала Тетя Фло. Мама засиделась с сестрой допоздна, и Джордж с Бадди, подслушивавшие под дверью, узнали, что Бабулю выкинули с работы и выгнали из . церкви, причем это было связано с какими-то «книгами». Как за книги можно кого-то выгонять с работы, и что это могут быть за книги, Джордж никак не мог взять в толк. И когда они вернулись в спальню, он спросил об этом Бадди.

— Книги разные бывают, кретин!

— Да, а какие именно?

— Мне-то почем знать! Спи!

Тишина. Джордж задумался, затем окликнул:

— Бадди!

— Ну чего тебе, черт возьми?

— Почему мама говорила нам, что Бабуля сама оставила работу и церковь?

— Это скелет в шкафу, вот почему. А теперь спи, и ни слова больше.

Но как можно было заснуть после этого?! Джордж, затаив дыхание, смотрел на полированную дверцу шкафа. Сейчас она откроется, и в лунном свете предстанет перед ним скелет, настоящий скелет, он будет скалить зубы и греметь косточками. А Джордж не сможет даже закричать от страха... Но что делает скелет в шкафу с книжками? Джордж провалился в беспокойный, странный сон. Ему грезилось, что его, снова шестилетнего, хочет обнять Бабуля. Слепые глаза смотрят в пустоту, и пронзительный голос спрашивает: «Руфь! Где малыш? Почему он кричит? Я хочу запереть его в шкаф... со скелетом...»

Джордж потом долго обдумывал услышанное, и через месяц после отъезда Тети Фло решил подойти к маме и все рассказать. Он уже знал, что такое «скелет в шкафу». Школьная учительница миссис Риденбейгер сказала, что это значит какая-то семейная тайна, скандал, о котором люди будут болтать много лишнего.

— Как болтает Кора Синард, да? — спросил Джордж. Миссис Риденбейгер закусила нижнюю губу и отвернулась, скрыв лицо в ладонях. Затем проговорила:

— Ну да, Джордж... хоть и не хорошо так говорить, но именно так!

Когда он рассказывал все маме, лицо ее оставалось спокойным, но руки ее переставали перебирать колоду карт:

— Ты думаешь, что поступил хорошо, Джордж? Теперь ты и твой брат будете

подслушивать все мои разговоры? Джордж понурил голову:

— Мы очень любим Тетю Фло, мамочка. Мы просто хотели послушать ее подольше. Это было действительно так. — Идея принадлежала Бадди?

Конечно, мама угадала, но Джордж вовсе не хотел, чтобы Бадди оторвал ему голову за ябедничество. — Нет, я предложил.

Мама долгое время сидела молча, затем снова начала перебирать карты.

— Возможно, пришло время сказать правду, — произнесла мама. — Мне кажется, ложь не лучше твоего подслушивания, а мы так долго вралы вам о нашей Бабуле. Мы вралы и себе, пожалуй. Она говорила с неожиданной горечью, резко, казалось, слова, которые ей приходится произносить, обжигают. — Хватит с меня. Я вынуждена жить с ней, и мне надоело лгать своим детям. И мама рассказала ему, как Бабуля с Дедулей поженились, и у них родился мертвый ребенок. А через год еще один. Тоже мертвый. И доктор сказал Бабуле, что лучшее, что она может сделать, — вовсе не иметь детей. Потому что они все будут мертворожденными. И в конце концов один из них не сможет покинуть утробу — тогда может умереть и сама Бабуля. Так сказал доктор. А вскоре появились КНИГИ. — Книги с том, как рожать детей? Но мама не ответила. Она не сказала, что это были за книги, где Бабуля взяла их, что она с ними делала. Факт тот, что после этого она забеременела и родила живого и здорового ребенка — дядю Ларсона. И продолжала преспокойно рожать здоровых детей. И ни один из них не умирал в утробе или сразу после появления на свет. Однажды Дедуля уговаривал ее попробовать, нельзя ли обойтись без книг — но Бабуля и слышать об этом не захотела.

— Почему? — спросил Джордж.

И мама задумчиво ответила.

— Потому что КНИГИ стали для нее значить столько же, сколько и дети... даже больше. Гораздо больше.

— Я не понимаю этого!

— Я не вполне уверена, что сама все понимаю, я тогда была совсем маленькой... В общем, книги приобрели некое влияние над ней. И она сказала, что больше не хочет слышать никаких разговоров на эту тему. Разговоры прекратились. Бабуля всегда была главой семьи.

Джордж захлопнул книгу и поглядел на часы. Почти пять. Желудок его был пуст и требовал пищи. Джордж с ужасом подумал, что если мама не придет после шести, Бабуля может проснуться и потребовать свой ужин. Мама не давала никаких инструкций на эту тему. Возможно, она слишком беспокоилась о Бадди. Ну ничего, можно достать из холодильника один из мороженых полуфабрикатов, лежащих там специально для Бабули. Она ела специальную пищу — без соли, предписание врача — и еще тысячу разных порошков и пилюль.

А он может довольствоваться остатками вчерашних макарон с сыром. Если влить немного бульона, все будет о'кей. Джордж достал из холодильника макароны, вывалил их в кастрюльку и поставил на плиту рядом с чайником, терпеливо ожидающим своей очереди. Ведь в любой момент Бабуля может проснуться и захотеть своего чая с травами... Джордж налил себе молока и снова снял телефонную трубку:

— ...я глазам своим не поверила, когда это увидела! Представь себе, она... — Генриетта вдруг замолчала, затем спросила другим тоном, резкой язвительно: — Интересно было бы знать, кто это нас подслушивает?! Джордж спешно положил трубку на рычаг. Уши его горели. «Дурак, на линии шесть смежных номеров. Никто не заподозрит тебя». Но в

любом случае подслушивать дурно. Даже если ты делаешь это вовсе не из любопытства, а лишь для того, чтобы услышать человеческий голос. Когда совершенно, абсолютно необходимо знать, что ты не один на свете. И в этом пустом доме. С Бабулей, которая выглядит.... .. успокойся, прекрати!

...которая выглядит как подстерегающий добычу краб, из цепких клешней которого никто никогда не спасется.

За окнами быстро темнело. Джордж налил себе еще молока.

Мама родилась в 1930-м, затем в 1932-м тетя Фло, потом дядя Франклин в 1934-м. Дядя Франклин умер в 1948-м от разорвавшегося аппендикса, и мама до сих пор иногда плакала, вспоминая о нем. Она доставала его фото и говорила, что обидно и глупо умирать от аппендицита. Мама любила дядю Франклина больше других своих братьев и сестер. Она сказала как-то, что Бог подло поступил, когда забрал Франклина.

Джордж выглянул в окно. Над холмами вдали заходящее солнце покрывало все легкой позолотой. Тени на лужайке перед домом становились глубже и чернее. Надвигалась ночь... О, Господи, если бы Бадди не сломал свою чертову ногу! Мамочка сейчас была бы дома и готовила бы на ужин что-нибудь вкусненькое. Они смеялись бы и болтали все вместе, а потом перекинулась бы в картишки или еще чем-нибудь занялись...

Джордж включил свет в кухне, хотя в этом не было особой необходимости. Потом сделал поменьше огонь под макаронами... Мысли его все время возвращались к Бабуле, сидящей в своем белом кресле, похожей на большого жирного червяка. Седые пряди волос свисают до плеч, руки протянуты в ожидании Джорджа — а он прячется за маму, всхлипывая.

— Пошли его сюда, Руфь. Я хочу обнять его.

— Он немного испугался, маменька. Сейчас успокоится и подойдет.

(Но голос мамы тоже был взволнованным и... и чуть испуганным...)

Мама? Испугана? Джордж остановился: было ли это на самом деле? Бадди говорил, что память часто играет с нами странные штучки. **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** ли она волновалась? Да. Это было именно так. Бабуля повысила голос:

— Прекрати, Руфь! Вели мальчику подойти ко мне -я обниму его!

— Нет. Он плачет.

Бабуля медленно опустила руки, на сморщенном лице заиграла бессмысленная старческая улыбка, и она произнесла:

— А правда, он похож на Франка? Ты говорила, он вылитый Франк, да, Руфь?

Джордж снял свой ужин с плиты. Странно, раньше он не помнил этот эпизод так отчетливо, во всех деталях. Может, это тишина прояснила его память? Тишина... и то, что он теперь наедине с Бабулей.

Итак, Бабуля рожала детей и преподавала в школе, доктора были совершенно озадачены, а Дедуля плотничал — да так успешно, что находил себе работу даже в период Великой Депрессии. И вот, люди начали говорить...

— Что говорить? — спросил Джордж.

— Ничего особенного, — ответила мама, резко собрав карты в колоду. — Они говорили, что твои Бабуля с Дедулей что-то слишком везучие, что они куда удачливее остальных.

И вот тогда-то были обнаружены книги. Мама больше ничего не сказала об этом, кроме того, что был большой скандал, и Бабуле с Дедулей пришлось уехать в Бакстон. Вот и все.

Дети выросли, сами завели детей. Мама вышла замуж за папу, которого Джордж вовсе не

помнил, и уехала в Нью-Йорк. Родился Бадди, и в 1969-м родился Джордж, когда они уже переехали в Статфорд. А в 1971 папу задавила машина с пьяным водителем.

Когда с Дедулей случился сердечный приступ, тети и дяди начали переписываться друг с другом. Они, конечно, не хотели сдавать Бабулю в приют. И она не хотела в приют. Конечно, надо было прислушиваться к желаниям этой женщины. Она будет проводить остаток дней своих с одним из детей. А поскольку все дети были замужем или женаты, и никто не горел желанием видеть у себя дома неприятную полусумасшедшую старуху, выбор пал на маму. Она единственная была к тому времени без мужа. Мама пыталась отказываться, но наконец сдалась. Она бросила работу и переехала в Майн ухаживать за Бабулей. Ее братья и сестры купили домик и каждый месяц, сбрасываясь все вместе, присылали чек «на жизнь».

— Ну и втянули же меня братья и сестры в переделку! — сказала однажды мама. Она произнесла это с горькой улыбкой, будто бы и полушутя, но без смеха. Скорее с болью. Джордж знал (Бадди рассказывал ему), что мама пошла на этот шаг потому, что абсолютно все в большой семье, все без исключения родственники уверяли ее, что Бабуля долго не протянет. И действительно: высокое давление, ишемическая болезнь, почечная недостаточность... «Восемь месяцев, не больше» — дружно уверяли тетя Фло, и тетя Стефани, и дядя Джордж (в честь которого назвали Джорджа). «Ну, максимум год...» Однако прошло пять лет. И последний год тянулся, как целое десятилетие. Это продолжалось так долго... Краб на камне, поджидавший... кого? или что? «Ты знаешь, что надо делать, Руфь, ты знаешь, как ее заткнуть».

Джордж остановился на полпути к холодильнику, из которого намеревался достать полуфабрикат для Бабули. На лбу выступила испарина. Что еще за голос внутри его черепа?

Джордж весь пошел мурашками. Он смотрел на руку, покрытую гусиной кожей, и медленно вспоминал: дядя Джордж. Он приезжал из своего Нью-Йорка с семьей два — нет три — года назад, на Рождество.

— Она более опасна теперь, когда впала в маразм.

— Джордж, говори тише. Дети дома.

Джордж стоял, положив руку на прохладную хромовую поверхность холодильника и мучительно вспоминая полузабытый эпизод. Да, дома был только он сам, а Бадди убежал кататься на санках с холма. Джордж долго рылся в поисках теплых носок и непромокаемых ботинок, и его ли вина, что дядя Джордж говорил слишком громко? Или, может, он виноват, что мама не прикрыла дверь на кухню! Или его ошибка в том, что Бог не заткнул ему уши, или, на худой конец, не отгородил звукопроницаемой стенкой? Джордж так не считал, мама и сама говорила после стаканчика-другого вина, что Бог иногда играет грязно.

— Ты знаешь, о чем я, — продолжал дядя Джордж. Его жена и три дочки ушли за рождественскими покупками, и дядя Джордж, оставшись без строгого присмотра, неплохо подвыпил. Он говорил чуть заплетающимся языком, не теряя, однако, своей мысли:

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Ты понимаешь, что случилось с Франком, когда он осмелился ей перечить.

— Джордж, помолчи, или я вылью это пиво тебе в физиономию, успокойся ради Бога!

— Понимаю, она вовсе не хотела этого. Но не удержала свой язык — и вот результат.

Аппендикс...

— Джордж, заткнись!

Теперь давно забытый разговор всплыл в памяти во всех подробностях. И Джордж подумал, что Бог, кажется, не единственный, кто грязно играет.

Он наконец вытащил из холодильника ужин для Бабули. Телятина. Варить 40 минут, затем готово к употреблению. О'кей. Чайник на плите. Телятина в пакетике. Если Бабуля захочет чаю — пожалуйста, потребует ужин — он сделает, ничего сложного, все в порядке. Телефон доктора Арлиндера записан — на всякий случай. Он все учел и предусмотрел, так зачем теперь волноваться? Он никогда раньше не был наедине с Бабулей. Никогда. Поэтому и волнуется теперь.

— Пошли мальчика ко мне, Руфь. Пусть подойдет.

— Нет, он плачет.

— Теперь она более опасна, когда впала в маразм. Ты понимаешь, о чем я.

— Мы ввалили нашим детям о Бабуле.

У Джорджа пересохло во рту. Он набрал себе воды в стакан и отхлебнул немного... Господи, ну для чего память стала вдруг выдавать эти вещи? Эти мысли. Эти воспоминания. Зачем они? Джорджу показалось, что перед ним лежат в беспорядке разбросанные куски мозаики, которые никак не хотят сложиться в единую картину. А может, это и хорошо, что они не складываются? Может, картина бы вышла слишком пугающая? Может...

Из комнаты, где спала Бабуля, донесся странный хриплый клекот. Сдавленный звук, но довольно громкий. Джордж хотел бежать туда, но ноги его словно приросли к линолеуму. Сердце выпрыгивало из груди, глаза расширились. Он не мог и шевельнуться от страха: НИКОГДА, никогда раньше Бабуля не издавала подобных звуков. Да, она была довольно шумной во время «заскоков», и голос у нее был пронзительный и громкий, но ТАКИХ звуков Джордж не слышал. Они повторялись, затихая, переходя в еле слышный шум и — замолкли. Джордж, наконец, обнаружил в себе силы пойти в ее комнату и медленно двинулся туда на все еще непослушных ногах. Глотка его пересохла так, что сглотнуть он вовсе не мог. По лицу стекал липкий пот.

Первое, что он подумал, заглянув осторожно в комнату: Бабуля спит. Мало ли, какой звук она может издать во сне. Может, она все время так шумела, пока они с Бадди были в школе. Ведь он впервые остался один с ней. Это была первая обнадеживающая мысль. А потом он увидел, что морщинистая желтоватая рука, лежавшая поверх покрывала, безвольно свисает вниз. И желтые длинные ногти касаются пола. Беззубый рот открыт, подбородок отвалился — как червоточина в сморщенном яблоке, обнажающая гнилое нутро. Джордж медленно и осторожно сделал пару шагов. Он стоял совсем рядом с Бабулей и внимательно всматривался в ее лицо. «Ты щенок, — говорил внутри его насмешливый голос Бадди. — Твой мозг играет с тобой скверные штучки. Бабуля спокойно дышит, присмотрись-ка!»

Джордж присмотрелся. Ни малейшего движения.

— Бабуля? — попытался сказать он, но голос не слушался, он издал лишь хриплый шепот, и, сам испугавшись этого звука, отпрянул от постели, прикрыв рот рукой.

— Бабуля! — теперь вышло громче. — Не хотите ли чаю? Бабуля?

Нет ответа. Глаза закрыты. Челюсть отвалилась. Рука висит.

За окном заходящее солнце окрашивало золотым и алым листву деревьев. Он видел ее во всех деталях, видел не здесь, не теперь, а сидящую в белом кресле.

Выражение лица тупое и торжествующее одновременно. Руки протянуты к нему. Джордж вспомнил один из ее «заскоков», когда Бабуля начала кричать: «Гиаши! Гиаши! Гастур-дегрион-йос-сов-ов!» И мама начала подталкивать их к двери, прикрикнув: «Побыстрей пошевеливайся» на Бадди, когда тот замешкался в прихожей в поисках своих перчаток. И Бадди даже остановился на секунду, совершенно ошеломленный, потому что

мама никогда раньше не кричала на них. Дети вышли за порог и стояли во дворе, недоумевающие, испуганные. А потом мама позвала их к ужину как нив чем ни бывало. Джордж никогда не вспоминал раньше этот эпизод. Почему-то теперь, глядя на Бабулю, так странно лежащую на своей кровати, с отвалившейся челюстью, он припоминал в мельчайших подробностях тот ужасающий день. Наутро они узнали, что миссис Хэрхэм, жившая неподалеку и иногда посещавшая Бабулю, умерла в своей постели в тот вечер без особых, как сказал доктор, на то причин. Бабушкины «заскоки». «Заскоки».

Эти странные слова, лишённые всякого смысла, незнакомые, напоминающие заклинания. Но ведь заклинания произносят ведьмы. Ведьмы способны и на большее. Разбросанные кусочки мозаики стали складываться в целостную картину. «Магия», — подумал Джордж, и эта мысль пронзила его как молния.

Картина была ясна. Те самые таинственные книги, о которых мама говорила с тетей Фло, слова на неведомом языке, которые выкрикивала Бабуля, ее мертворожденные дети и изгнание из церкви, как и из города — все это складывалось в мозгу Джорджа, как по волшебству, воедино. Выходил неплохой портрет его Бабули, жирной, морщинистой, напоминавшей жабу, обтянутую желтой кожей. Беззубый рот скривился в отвратительной усмешке, взгляд слепых глаз одновременно отсутствующий и пронизывающий, на голове конический черный колпак, увенчанный звездами, расписанный таинственными иероглифами. В ногах черные кошки с глазами желтыми, как янтарь. Он чувствовал запах тления и серы. Видел свет загадочных черных звезд. Слышал пронзительный голос, произносящий странные слова из странных книг, и каждое слово подобно камню. И каждый параграф подобен ночному кошмару, и каждое предложение как пылающий костер.

Джордж смотрел на все это глазами ребенка, но они были открыты для постижения бездонности этой тьмы. Бабуля была ведьмой.

И теперь она умерла. И этот странный звук, который напугал его, звук, напоминающий клекот, был ее предсмертным хрипом.

— Бабуля? — прошептал Джордж, и в голове его пронеслось: «Динь-дон, злая ведьма умерла». Ответа не последовало. Он опасливо поднес ладонь ко рту старухи. Дыхание не чувствовалось. Она лежала неподвижно, и страх снова охватил Джорджа. Неужели... Он вспомнил, как дядя Фрэд учил его слюнявить палец, чтобы определить направление ветра. Он проделал эту операцию — но ни малейшего дуновения, ни слабого вздоха изо рта Бабули не было. Ничего не было. Мальчик ринулся было к телефону звонить доктору Арлиндеру, но остановился. А если на самом деле Бабуля жива, и он окажется в идиотской ситуации из-за своего преждевременного испуга? Нет уж, надо все проверить самому. «Пощупай ее пульс».

Он остановился в дверях и обернулся. Рукав ночной сорочки на свисающей мертвой руке был чуть отвернут, обнажая запястье. Нет, идея не слишком хороша. Однажды после визита к Доктору Джордж решил пощупать себе пульс. Медсестра делала это легко и быстро, но сам он, как ни бился, не смог повторить ее действий. Неумелые пальцы говорили ему, что и сам-то он мертв. Так что лучше не браться за то, о чем не имеешь представления. И потом... ведь придется прикоснуться к Бабуле. От этой мысли Джорджу становилось не по себе. Даже если она мертва... ОСОБЕННО, если она мертва. Джордж стоял нерешительности на пороге, переводя взгляд с тяжелого неподвижного тела на висящий в кухне телефон. Может, лучше не тратить времени, а позвонить? Или... «Зеркало!»

Ну конечно же, когда дышишь на зеркало, оно запотеваает. И в кино доктор подносил его ко рту человека, потерявшего сознание, чтобы проверить, жив ли он. Великолепная мысль!

Джордж побежал в ванную и принес зеркало. Он поднес его к самому беззубому рту, почти касаясь губ, и стал считать про себя. Он досчитал до шестидесяти, убрал зеркало и стал внимательно рассматривать его поверхность. Никаких изменений. Ни малейших. Бабуля мертва.

Джордж обнаружил, что он испытывает некоторое сожаление, и даже сам слегка себе удивился. Все мучившие его сомнения отступили на задний план. Возможно, она была ведьмой. А может быть, ему это только показалось, иллюзия, бред, цепь совпадений... Какая теперь разница? Важно одно: она умерла, но все конкретные жизненные вопросы блекнут и исчезают перед пугающим ликом Смерти. Новая для Джорджа взрослая печаль охватила его. Такие переживания оставляют неизгладимый след в душе человека, и только по прошествии многих и многих лет обнаруживает он, как важны для формирования его личности были ощущения, испытанные в далеком детстве, особенно ощущение смерти ли бренности всего земного — пугающее и незабываемое...

Джордж взглянул на Бабулю. Закат раскрасил ее лицо причудливыми переливами бордового с оранжево-красным. Мальчик поспешно отвернулся и пошел в ванную относить зеркало. Теперь надо позвонить. Джордж постарался сосредоточиться, чтобы все сделать правильно. В мозгу его сразу возникла приятная мысль: когда Бадди начнет приставать к нему, дразнить и обзывать щенком, он ответит спокойно: «Я был дома ОДИН, когда умирала Бабуля — и я сделал все необходимое». Вот так-то.

Во-первых, позвонить доктору Арлиндеру. Набрать номер и сказать: «Моя Бабуля умерла. Будьте добры, скажите мне, что мне надо делать дальше?» Нет, не так. «Я думаю, Бабуля умерла». Это будет лучше. Никто не ожидает, что ребенок разбирается в этих вещах, поэтому лучше не говорить категорично... Или так: «Я уверен, что Бабуля умерла». Уверен! Самое точное слово... А потом рассказать о зеркале и предсмертном хрипе. И доктор Арлиндер придет, пощупает ей пульс — и что там еще делают доктора? — скажет, что Бабуля мертва, и добавит: «Ты был молодцом, Джордж. Ты действовал решительно и верно.

Позволь тебя поздравить!» А Джордж ответит что-нибудь скромно и с достоинством.

Он сделал два глубоких вдоха, прежде чем снять трубку. Сердце его учащенно билось, но страх, перехватывающий горло, отпустил. Худшее уже произошло. В каком-то смысле это даже легче, чем сидеть на кухне в постоянном напряжении, смотреть на часы, ожидая маму, и знать, что в любую секунду из комнаты может послышаться пронзительный голос... Он снял трубку... телефон не работал. Ни голосов. Ни гудка. Джордж стоял, ошеломленный, с готовыми уже заранее словами: «Простите, миссис Додд, но я должен вызвать доктора», ставшими ненужными теперь... Абсолютная тишина. Звонящая, мертвая тишина — как там, в комнате, где лежит Бабуля. Лежит так спокойно. Так тихо.

Опять мурашки по коже и комок в горле. Джордж переводил взгляд с чайника на плите на чашку с пакетиком трав для Бабули. Никакого чая. Никогда.

Он вздрогнул, повернулся опять к телефону и стал лихорадочно нажимать на рычаг, прислушиваясь, нет ли сигнала. Бесполезно. Мертвая тишина. Мертвая, как...

Джордж с силой бросил трубку на рычаг, и телефон жалобно звякнул. Он спешно схватил трубку: а вдруг все включилось, как по волшебству? Но тщетно: никаких звуков.

Его сердце, казалось, готово выпрыгнуть из груди. «Я один в этом доме. Один с ее мертвым телом». Он медленно прошел по кухне, постоял минуту-другую у стола, затем включить свет. В доме становилось сумрачно, скоро зайдет солнце, и настанет ночь. Джорджа пугала эта мысль: ночь, мертвое тело, одиночество. Господи, когда вернется мама?

Все, что осталось ему — ждать. Мама скоро придет, и все будет о'кей. Это лучше, что Бабуля умерла. Иначе он сошел бы с ума от страха в ожидании ее пронзительного крика, и она могла потребовать ужин, могла свалиться с кровати... Господи, как это ужасно — сидеть одному в темноте и думать о странных вещах... Видеть переплетение колеблющихся теней на стене и думать о смерти, о мертвом морщинистом теле, видеть, как сверкают в темноте мертвые глаза, как вращаются они, и скрипит половица, будто кто-то крадется по дому, прячась в черных углах, переходя из тени в тень... В темноте мысли ваши замыкаются на одном, и можете пытаться думать о цветах на лужайке, о Деве Марии или золотом призере Олимпиады в 440 году — все равно мысли вернутся к невидимой тени, опасной, огромной туше с клешнями и пристальным взглядом мертвых слепых глаз.

— Хватит же, черт возьми! Джордж обхватил руками голову. Пора прекратить это сумасшествие, вернуться в реальность. Ему же не 6 лет, в конце концов. Она мертва, мертва — и все тут. Она не более опасна, чем... чем этот стол, или стул, или радио, или... «Прекрати панику, Джордж! Заткнись! Возьми себя в руки!» Да, она просто труп — и ничего больше. Джордж подошел к двери в ее комнату. Бабуля лежала все в той же позе, рука свешивается с кровати, рот открыт. Она теперь — предмет неодушевленный, часть мебели; можете положить ее руку обратно в постель, или вылить на нее стакан воды, или включить музыку под самым ухом — Бабуле все равно. Она, как иногда говорил Бадди, ВНЕ этого всего.

Внезапно негромкий повторяющийся стук раздался слева от Джорджа. Он невольно вскрикнул. Это была наружная дверь, всего лишь вторая дверь, которую Бадди поставил неделю назад — она хлопала, под порывами ветра закрываясь и открываясь вновь. Джордж отпер замок внутренней двери и выглянул, чтобы прикрыть плотней наружную. Порыв ветра взъерошил ему волосы. Странно, когда мама уходила, был ясный солнечный день, а сейчас уже совсем стемнело... Джордж подошел к телефону, снял трубку. Ничего. Все та же тишина. Он сел на стул, затем встал и начал нервно расхаживать взад-вперед по кухне, пытаясь взять себя в руки и хоть Сколько-нибудь успокоиться.

Часом позже наступила полная темнота. Телефон молчал. Наверное, ветер, который дул теперь с неистовой силой, повредил линию. Такое уже было. Ничего страшного... Телефон тихо динькнул — далекий призрачный! звук — и снова замолчал. Ветер грозил перерасти в настоящий ураган, он свистел и завывал за окнами, раскачивал деревья... Джордж подумал, что в лагере бойскаутов у ночного костра он расскажет замечательную историю о том, как сидел когда-то один в пустом доме со своей мертвой Бабулей, и ветер быстро гнал по небу облака, черные вверху и внизу белые, чуть тронутые желтизной — как Бабулина сморщенная кожа... Это, как иногда выражался Бадди, классика!

Больше всего на свете Джордж хотел бы сидеть у костра сейчас, чтобы все уже было позади, и все с открытыми ртами слушали бы его рассказ о своей смелости и хладнокровии. Но — увы — за окнами в полной темноте, бушевал ветер, дом наполнялся странными звуками, и каждый из которых заставлял Джорджа подпрыгнуть на стуле от страха, и мама все не возвращалась... «Она вернется скоро. И все будет о'кей. Скоро вернется... Ты не прикрыл лицо Бабуле! ...вернется домой... Не прикрыл лицо!»

Джордж резко вздрогнул, будто кто-то сзади него громко заговорил, и непонимающим взглядом обвел кухню, остановившись на молчавшем телефоне. В кино он видел, что мертвым прикрывают лицо — так полагается, но. Боже, опять войти туда... «Черт с ним со всем! Я не пойду в ее комнату!» Пусть этим занимается кто-нибудь другой. Кто-нибудь из

взрослых. Мама, когда вернется домой. Или доктор Арлиндер, когда его вызовут. Кто угодно, но не Джордж. Ему это не нужно. А Бабуле теперь и вовсе безразлично. Так зачем же идти туда, к ней? Голос Бадди ехидно произнес у него в голове: «Оправдываешься, бедняжка. А если бы не боялся, то пошел бы и спокойно прикрыл ей лицо. Ты просто струсил, щенок! Кишка тонка!»

Джордж сидел бы за столом, бесцельно перелистывая свой так и не прочитанный учебник истории. Он понимал, что если не сделает всего до конца, у Бадди будет возможность поддеть его. Он видел себя у костра, описывающим свои приключения. Вот он приближается к концу рассказа, когда на дороге вдаль засветились фары их старенького автомобиля — и, как всегда, вовремя появляющиеся взрослые установили торжество порядка и покоя, и все стало на свои места, — но тут из тени выступает темная фигура. Костер вспыхивает чуть ярче, и Джордж узнает своего братца и слышит язвительный голос: «А если ты и правда был так храбр, цыпленочек, отчего ты не прикрыл ей лицо?» Нет, так дело не пойдет. Джордж встал и прошелся по кухне, пытаясь напомнить себе, что Бабуля мертва, и ее ничто уже не потревожит. Ей можно вылить стакан чаю на голову, или убрать подушку, и так далее, и так далее, а она не почувствует, потому что она ВНЕ всего этого, спокойная, холодная, безучастная. Мертвые никогда не встанут, а все остальное — бред, галлюцинации, странные полуночные страхи, глупые навязчивые мысли — как о том, что полированные дверцы шкафа распахнутся в темноте, как о том, что лунный голубоватый свет будет играть на белых костях скелета, как... Джордж прошептал вслух: «Прекрати, неужели ты не можешь остановиться?! Перестань быть ослом!»

Он попытался успокоиться, и наконец был готов войти к Бабуле и набросить покрывало ей на лицо. Он сделает все как надо. А потом выкинет ее ненужный пакетик с чаем и уберет чашку. И все будет исполнено до конца, и никто не сможет упрекнуть его.

Джордж подошел к дверям Бабулиной комнаты. Каждый шаг стоил усилий воли. В комнате было темно, Бабуля неопределенной черной тушей возвышалась над белеющими простынями. Джордж лихорадочно шарил по стене в поисках выключателя, никак не мог найти его — казалось, это будет длиться вечность. Но наконец он нащупал выключатель; щелчок — и комнату залил неяркий желтый свет.

Бабуля лежала все так же: рот открыт, рука сваливается с кровати. Джордж задумался, не стоит ли положить руку в кровать вдоль туловища, но от одной мысли, что придется коснуться трупа, капли холодного пота выступили у него на лбу. Что угодно, только не это. К тому же, рука в любой момент может соскользнуть обратно, и его героические усилия пропадут даром. Не стоит напрягаться зря.

Медленно, словно преодолевая сопротивление какой-то вязкой жидкости вместо воздуха, Джордж приблизился к Бабуле и склонился над ней. Тело покойной было абсолютно желтое; конечно, отчасти виной тому было освещение, но только ли оно?

Джордж приподнял край покрывала и потянул его. Он покрылся испариной, дыхание было неровным, сердце бешено билось. Он набросил край покрывала на лицо Бабули, но ткань соскользнула, обнажая сморщенный лоб. Постояв немного и успокоившись, Джордж попробовал снова. Осторожно приподнял покрывало за края, изогнувшись над кроватью, стараясь не коснуться трупа даже сквозь ткань — на этот раз все удалось, О'кей. Джордж почувствовал удовлетворение. Даже страх слегка отступил. Он похоронил Бабулю! Вот для чего покойникам прикрывают лицо: это напоминает их захоронение. Таков обычай.

Джордж смотрел на свисающую вниз, до самого пола руку — и ощутил вдруг, что

больше не боится так, как раньше. И сможет поднять эту безжизненную кисть и положить на кровать, похоронить под покрывалом со всем остальным телом покойной. Он решительно взял холодную руку и поднял ее.

Бабулина рука дернулась в его ладони — и вцепилась ему в запястье.

Джордж закричал. Он рванулся назад, крича во весь голос, заглушая шум ветра и скрип половиц в доме, и остановился у дверей, в относительной безопасности.

...Рука судорожно сжалась в воздухе, повернулась и, бессильно упав вниз, вновь застыла в полной неподвижности. «Со мной все в порядке, ничего не произошло, это просто рефлекс». Но один взгляд на Бабулю, на мертвую руку с длинными желтыми когтями лишил Джорджа остатков рассудительности. Паника охватила все его существо, не оставив места доводам разума. Все тело вновь покрылось мурашками, холодный пот стекал со лба, и он чувствовал себя на грани сумасшествия. Все, чего он хотел в жизни — быть далеко отсюда, вне этого дома, за пределами досягаемости Бабулиных цепких рук — да хотя бы просто в другой комнате... И Джордж бросился бежать, не видя перед собой ничего, бежать прочь из этого страшного места на непослушных спотыкающихся ногах. Он не вписался в дверной проем, со всего разбега ударился лицом в стену и упал на пол. Боль, раскалывающая голову, казалось, на тысячу частей, была даже сильнее страха. На своей зеленой рубашке Джордж увидел красные пятна. Кровь лила из разбитого носа. Он вскочил на ноги и, испуганно озираясь, направился в кухню.

Сквозь приоткрытую дверь в комнату Бабули он видел свисающую руку... но тело лежало на кровати спокойно и ровно... Ему просто привиделся весь этот кошмар. Он вошел в комнату, чтобы прикрыть лицо покойной, и от страха придумал все последующее... Но нет. Происшествие было слишком реальным. Боль прояснила сознание Джорджа, и он, сравнительно спокойно припоминая ситуацию, приходил к выводу, что она не должна была произойти. Ведь мертвые не оживают. Вы можете делать с трупом все, что угодно, но он-то не может в ответ вцепляться ногтями в ваше запястье! Можно сбросить мертвеца с кровати, или скатить с вершины холма и т. д. и т. д. и т. д. — короче говоря, совершать какие-то действия НАД покойным. А время ДЕЙСТВОВАТЬ самостоятельно для него прошло. «Если только речь не идет о ведьме. О злой ведьме, которая специально выбрала время своей смерти так, чтобы дома был один маленький мальчик, с целью... С какой целью?»

Глупости все это. Он опять начинает переживать события и дает слишком много воли воображению. Джордж вытер нос ладонью и посмотрел на кровавый след. В любом случае, правда все это или галлюцинации, он не подойдет больше к Бабуле. Хватит с него. Приступ животного ужаса прошел, но он был все еще напуган, нервы предельно напряжены, слезы вот-вот готовы брызнуть из глаз, и больше всего на свете ему хотелось, чтобы скорее вернулась мама и прекратила весь этот кошмар. Джордж глубоко вздохнул. На нос пора было положить мокрую повязку. Он подошел к крану и вдруг почувствовал, что находится на грани потери сознания. Он постоял немного, опершись о раковину. Затем взял валяющуюся рядом тряпку и, подставив ее под кран, включил холодную воду. Подержав ее там минут несколько, пока не устала рука, Джордж чуть отжал тряпку и приложил ее к разбитому носу. Он закрыл кран, когда из соседней комнаты раздался голос Бабули:

— Подойди сюда, малыш. Иди сюда, твоя Бабуля хочет обнять тебя.

Джордж хотел закричать, но не смог издать ни звука. Зато звуки доносились из комнаты: скрип кровати, будто что-то тяжелое переворачивается и приподнимается на ней, — о Господи, это было похоже на то, что Бабуля пытается... что она выбирается из

кровати!

— Малыш! Иди-ка сюда! Немедленно!!!

Джордж с ужасом увидел, что его ноги подчиняются этой команде. Он хотел остановиться, но они продолжали медленно шагать по линолеуму кухни, не подчиняясь приказам хозяина: правая нога. левая, снова правая, шаг за шагом приближаясь к... «Она ВЕДЬМА, Боже мой, она ведьма, что же теперь будет? Господи, помоги, помоги, ПОМОГИ!!!»

Джордж вошел уже в Бабулину комнату и с ужасом увидел, что она не только хотела, но и действительно выбралась из постели и сидела в своем старом белом кресле, которое пустовало уже 4 года — с тех пор, как Бабуля стала слишком тяжелой, чтобы двигаться, и слишком мало стала понимать, где она находится... Но теперь она лишилась и следов старческого маразма. Лицо ее было жирным и обвисшим, но тупое выражение исчезло, будто его никогда и не было, будто это была лишь маска, предназначенная для глупых мальчишек и усталых одинокие женщины. Ночная сорочка сползла с плеча, обнажая огромное рыхлое тело. Покрывало с постели было сброшено на пол... Бабуля медленно поднимала тяжелые желтоватые руки:

— Я хочу обнять тебя, Джордж. Не хнычь. Не маленький уже. Подойди к Бабуле.

Джордж пытался — и не мог противостоять силе ее притяжения. Его тело подчинялось приказам старой ведьмы, а мозг был пленником, бессильным, не способным ничего изменить. Лицо его искривилось от невероятного напряжения, по лбу ручьями бежал пот, дрожали ноги... В любом случае, он докажет Бадди, что не боялся Бабули. Он подойдет к ней — что ж, по крайней мере тот не назовет его трусливым щенком.

Руки с длинными желтыми ногтями уже почти касались Джорджа, когда слева от него раздался звон стекла, и сквозь разбитое окно в комнату ворвался ветер, кружа залетевшие листья и какие-то бумаги, развевая волосы и сорочку Бабули.

Теперь Джордж смог кричать. Он отпрянул от протянутых рук, и Бабуля издала странный шипящий звук, сжимая и разжимая в воздухе свои клешни, шевеля толстыми бескровными губами.

Ноги все еще не слишком слушались Джорджа, он упал на пол и, продолжая кричать, пополз из комнаты. Бабуля медленно поднималась из кресла — огромная, жирная туша, нависающая над обезумевшим от страха ребенком. Мертвая -и в то же время живая, куда более живая, чем все эти 4 года... Джордж понял вдруг, ЧТО означает это объятие, и это открытие поразило его. Бабуля схватила его за рубашку, и Джордж ощутил на мгновение холод мертвого тела, он отчаянно рванулся, оставив в цепкой старой руке кусок своей рубашки — и оказался на кухне.

Он убежит в ночь. Немедленно. Сейчас. И пусть кого-нибудь другого обнимает злая ведьма, его Бабуля. А мама, когда вернется, увидит живого сына.

Но в дверях выросла огромная уродливая тень. Отступить было некогда, и смертельный, ледящий кровь ужас охватил Джорджа... В это мгновение зазвонил телефон. Джордж схватил трубку и закричал — он просил помощи, умолял, чтобы его спасли — но ни звука не вырвалось из сдавленного страхом горла. Бабуля стояла в дверях в своей розовой рубашке, опираясь огромными руками о косяк, желтые волосы обрамляли оплывшее злое лицо... Она усмехалась.

— Руфь? — это был голос тети Фло, едва слышный сквозь треск и завывание. — Руфь, это ты? — тетя Фло из Миннесоты, две тысячи миль отсюда.

— Помогите! — прокричал Джордж, и все, что вырвалось из него, был сдавленный хриплый шепот.

Бабуля медленно двинулась к нему, протягивая руки, сжимая и разжимая их в воздухе. Она ждала этого объятия 5 лет — и теперь не хотела отступить.

— Руфь, ты меня слышишь? Здесь такая буря, и мне... мне стало страшно... Связь плохая... Руфь, я не слышу!

— Бабуля, — произнес наконец Джордж. Желтая туша нависла над ним.

— Джордж? — голос тети Фло неожиданно стал прекрасно слышен, будто она была рядом. — Джордж, это ты?

Он отступал от надвигающихся рук — и обнаружил, что сам, как последний идиот, отрезал себе путь к отступлению, забившись в угол между раковиной и кухонным шкафом. Ужас сковал все его существо, и он мог только повторить в трубку снова и снова:

— Бабуля! Бабуля! Бабуля!

Холодные руки прикоснулись к его горлу, и Джордж уже едва слышал далекий, словно доносящийся не только с расстояния в тысячи миль, но и пролетевший сквозь года голос тети Фло:

— Скажи ей лечь, Джордж. Скажи, что она должна это сделать во имя твое — и во имя ее отца. Ее духовного отца звали ГАСТУР. Успокойся, и скажи ей это...

Морщинистая рука с неожиданной силой дернула шнур. Телефон отключился. Джордж сжался в комок в своем углу, огромная зловещая тень накрыла его...

— Ложись! Успокойся! Именем Гастура! Гастур! Ложись!

Ее руки смыкаются на шее Джорджа, холодные как лед и...

— Ты должна! — кричал мальчик. — Тетя Фло сказала — именем Гастура! Моим именем!

...и сжимают ее в объятии, неотвратимом, как смерть... сжимают...

Когда огни старенького авто часом позже загорелись вдалеке на дороге, Джордж сидел за столом перед так и не прочитанным учебником истории. Он встал, подошел к двери, отпер ее... Телефон с оборванным шнуром безжизненно молчал. Ветер на улице, чуть утихнув, шуршал желтыми листьями. Мама вошла, стряхнула прилипший к пальто лист:

— Ах, такая непогода. У тебя как, все нормаль... Джордж! Джордж, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?! — кровь отхлынула от ее лица, ставшего мертвенно-бледным, глаза расширились.

— Бабуля, — сказал мальчик. — Она умерла. И заплакал.

Мать обняла его и устало прислонилась к стене, словно из нее разом ушли все силы.

— Джордж... что-нибудь еще? Что ЕЩЕ случилось? — Ветер разбил веткой окно в ее комнате. Мама отпустила его, взгляделась в лицо и, не говоря ни слова, быстрыми шагами направилась в комнату Бабули.

Она вернулась с обрывком зеленой ткани в руках — это был клочок рубашки Джорджа. — Я вынула из ее рук, — прошептала мама.

— Я ни о чем не буду сейчас говорить, — устало ответил Джордж. — Слишком хочется спать. Позвони тете Фло, если хочешь. Спокойной ночи, я пойду.

Он пошел в комнату, оставив приоткрытой дверь, чтобы слышать, что делает мама. Она так и не позвонила тете Фло ночью — потому что был поврежден шнур. Не будет этого и следующим вечером — потому что незадолго до ее прихода домой Джордж произнесет пару десятков странных слов (некоторые изуродованная Латынь, другие — заклинания

друидов) — и за две тысячи миль отсюда тетя Фло скоростно скончается от инфаркта.

Он разделся и лег в постель, заложив руку за голову. Медленно, постепенно на лице его проступила зловещая жуткая усмешка. Теперь все — ВСЕ — будет по-другому. Например, Бадди.

Бедняга, он ведь, вернувшись, опять возьмется за свое: Пытка Краснокожих и прочие щенячьи шгучки, — и Джордж, возможно, позволит ему поразвлечься на виду у других...

Но ночью, когда они останутся одни в этой темной спальне... Джордж беззвучно рассмеялся. Как говорит тот же Бадди, это — Классика!